

Саровский П. М.
(сб.)

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА

Москва

25 МАЯ 1984

Из блокнота театрала

НАХОДЧИВЫЙ ДОН КИХОТ

В МОЛОДЫЕ годы встретились Николай Константинович Черкасов и Борис Петрович Чирков и долго работали вместе. Особенно тепло оба вспоминали свою деятельность в Ленинградском ТЮЗе.

Играть в таком театре не так-то просто и легко. Зоркие глаза юного зрителя не пропустят, заметят любую оплошность. Нужна мгновенная реакция, чтобы тут же исправить ее и тем самым не потерять доверие зрителя.

Однажды Николай Константинович и Борис Петрович играли в спектакле «Дон Кихот». Кто из них был Дон Кихотом, кто — Санчо Панса, не приходится объяснять.

В один из моментов действия Дон Кихот обратил внимание, что Санчо стал ему подмигивать. К чему бы это? Что-то прежде он не замечал, чтобы Санчо подмигивал ему. А тут еще он смешливо улыбался, поводя носом.

Услышал Дон Кихот и смех в зрительном зале. Как будто в данном месте спектакля зритель никак не должен был веселиться.

Было отчего растеряться.

И вдруг Дон Кихот почувствовал, что куда-то запропастились его усы — краса и гордость славного рыцаря!

И артист нашел выход. Он демонстративно стал ощупывать то место над верхней губой, где должны были располагаться его прекрасные усы, и у него совершенно искренне вырвалось:

— О, проклятые волшебники! Они даже усы с корнем вырвали у меня.

Смех тотчас прекратился. По притихшему залу артисту показалось в тот миг, что юные зрители прониклись необыкновенным сочувствием к бедному рыцарю.

На следующем спектакле актер даже хотел, чтобы повторилась та счастливая находка.

Но усы больше не отваливались.

«ГОЛОДНО И ХОЛОДНО ТАМ...»

ПЕРВЫЙ театр, куда великий Пров Михайлович Садовский поступил — 14 лет от роду, был тульский. Юный Пров, счастливый возможностью участвовать в спектаклях, не замечал ни трудностей работы, ни ощущения приниженности и постоянного голода.

Шутка ли, выступать более чем в двадцати ро-

лях! Пусть большинство из них были совсем маленькие. Но он выходил на сцену, зрители замечали его. От этого он испытывал полное блаженство.

Приходилось ему делать и многое другое. Например, переписывать роли. Сотни переписал он, засиживаясь перед тоненькой мигающей свечкой допоздна, до рези в глазах. А с утра начинались новые заботы. И так изо дня в день.

В конце сезона антрепренер Тульского театра И. А. Турчанинов вызвал Прова в свою конторку.

— Ну вот, — сказал он, — получай свое жалованье.

И протянул... серебряный рубль.

Начались скитания. Переходил Пров из одного театра в другой, из Тулы в Калугу, из Рязани в Елец, из Лебедяни в Воронеж, Тамбов, Казань.

Временами артист ощущал, что то блаженство, которое он испытывал, выходя на сцену, омрачается постоянным ощущением голода. А ведь он не ленился. Какие только не брал на себя обязанности, кроме актерских, чтобы подработать! Помогал помощнику режиссера, был театральным кассиром, снова переписывал роли и даже рисовал декорации.

Пров умел рисовать и именно в художестве отвел однажды, что называется, душу.

В маленьком Ельце местный театр содержал некто Вышеславцев. Был он не хуже и не лучших других антрепренеров, хотя сочувствовал бедственному положению актеров. Именно Вышеславцев, узнав, что Пров рисует, поручил ему создать новый занавес, не ограничивая выбором сюжета.

А что, если нарисовать не идиллическую картинку, не отвлеченные символы, а нечто взрывчатое, всколыхнуть сонного обывателя, показать всему миру, что актер вовсе не безликое существо? И тогда возникла идея изобразить... тюрьму.

Несколько дней трудился Пров, разрисовывая жесткий холст, а когда развернули занавес, перед глазами предстало мрачное здание с облезлыми стенами, зияющее глазницами мелких решеток.

Антрепренер был вне себя. Он не мог допустить в своем театре подобной вольности и повелел тотчас сорвать занавес.

По мысли Садовского, актеры по своему положению были сродни осужденным. А в чем-то их положение было еще хуже.

«Голодно и холодно там», — говаривал Пров Садовский о старом провинциальном театре.

Дмитрий
БРУДНЫЙ.